

нее? И везде началась жестокая борьба. Из Парижа революция переходила теперь в каждую деревню. Из парламентской она делалась всенародной.

Законодательная работа, совершенная Учредительным собранием, носила, следовательно, буржуазный характер. Но нет сомнения, что она была громадна в смысле введения в привычки народа политического равноправия, в деле уничтожения пережитков господства одного человека над личностью другого и в пробуждении чувства равенства и возмущения против всякого неравенства. Нужно помнить, однако, как сказал Луи Блан, что для поддержания огня в очаге, который представляло собой Собрание, необходимо было «дуновение ветра с городской площади». «В эти великие дни, - прибавляет он, - из самых волнений бунта исходило столько мудрого вдохновения! Каждое восстание было так полно мысли!» Иначе говоря, улица, уличная толпа, все время толкала Собрание вперед в деле общественного переустройства. Даже революционное Собрание или по крайней мере Собрание, революционно устанавливавшее свою власть, каким было Учредительное собрание, даже оно не сделало бы ничего, если бы народ все время не толкал его и если бы своими многочисленными восстаниями, почти всегда одушевленными идеей общего блага, а не личного захвата, он не сломил сопротивление контрреволюции.

XXIII ПРАЗДНИК ФЕДЕРАЦИИ

С переселением короля и Собрания из Версаля в Париж заканчивается первый, так сказать героический, период Великой революции. Открытие Генеральных штатов, королевское заседание 23 июня, клятва в Jeu de Paume, взятие Бастилии, восстание городов и деревень в июле и августе, ночь 4 августа, наконец, поход женщин на Версаль и их триумфальное возвращение с пленником-королем - таковы главные моменты этого периода.

С переездом в Париж Собрания и короля - «законодательной и исполнительной власти», как тогда говорили, начинается период глухой борьбы, с одной стороны, между умирающей королевской властью, а с другой стороны, новой конституционной силой, которая медленно создается законодательными трудами Собрания и созидательной работой на местах, в каждом городе, в каждой деревне.

В лице Национального собрания Франция обладала теперь конституционной властью, и король вынужден был ее признать. Но, признав ее официально, он продолжал видеть в ней не что иное, как узурпацию, как посягательство на его королевские права. Уменьшения своих прав он не хотел признать. Он изыскивал поэтому всевозможные мелочные способы унизить Собрание и оспаривал у него всякую частицу власти. Надежда рано или поздно подчинить себе эту новую силу не оставляла его до последней минуты, и он упрекал себя в том, что позволил ей вырасти рядом со своей королевской властью.

В этой борьбе король не пренебрегал никакими средствами. Он знал по опыту, что окружающих его людей можно подкупить, одних - за недорогую цену, других - при условии дать надлежащую плату; и вот он старался прежде всего найти денег, как можно больше денег путем личных займов в Лондоне для подкупа вожakov партий в Собрании и вне его. По отношению к одному из наиболее видных, Мирабо, подкуп вполне удался: за крупную сумму Мирабо стал советником двора и защитником короля, и последние дни своей жизни он провел в безумной роскоши. Но королевская власть находила поддержку не только в Собрании, а в особенности вне его. Поддержать ее готовы были все те, у кого революция отняла их привилегии, их громадное жалованье, их колоссальные богатства. На ее стороне стояла большая часть духовенства, которое чувствовало, что его влияние падает; дворяне, терявшие вместе с феодальными правами свое привилегированное общественное положение; буржуа, опасавшиеся за капиталы, вложенные ими в промышленные и торговые предприятия и государственные займы, и, наконец, те самые буржуа, кто обогащался во время революции благодаря ей и торопился насладиться награбленными состояниями.

Таких, которые видели в революции врага, было много. Здесь были все те, кто некогда жил в кругу высшего духовенства, дворянства и высшей привилегированной буржуазии, т. е. больше половины той деятельной и мыслящей части нации, которая творит ее историческую жизнь. И если в Париже, Страсбурге, Руане и многих других больших и малых городах народ являлся горячим защитником революции, то сколько было таких городов, как, например, Лион, где вековое влияние духовенства и экономическая зависимость рабочего населения были так сильны, что сам народ вместе с духовенством оказывался тоже противником революции! Сколько таких городов, как крупные порты Нант,